

СПЕКТАКЛЬ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТЕМЫ

в бывшем барском особняке». Здесь «Комсомольский клуб» — это очень

Пьесу, посвященную жизни и борьбе первых комсомольцев, Светлов

назвал «драматической поэмой». Это — точное определение жанрового своеобразия, стилевых особенностей произведения, которое автор посвятил героической юности своего поколения. Поэтичность, романтическая приподнятость достигаются не только тем, что герои по ходу действия читают стихи, но и тем, что все они мечтают о будущем, которое наступит «через год и двадцать лет спустя».

Удачу спектакля «Двадцать лет спустя» Центрального детского театра (постановка О. Пыжовой и Б. Бибикова) определило точное режиссерское прочтение, которое получила здесь пьеса Светлова, прочтение, близкое ее существу, ее внутреннему строю.

В спектакле есть значительные актерские достижения, есть и бледно сыгранные роли. Наибольшая удача — замечательные образы Кости-Налево и Васи-Направо, созданные артистами О. Анофриевым и К. Устюговым. Очень хороши артистки А. Дмитриева в роли Дуни и Г. Новожилова в роли Тоси. Зато образы председателя ревкома Семена, секретаря комсомольского комитета Якова не нашли своего полного воплощения.

...В 1919 году в городе, окруженном белыми, группа комсомольцев ушла в подполье. Каждый из них сделал все, чтобы помочь делу революции. И Костя-Налево, и брат его Вася-Направо, и смелая и трогательная девочка Тося, и Сашка, и Моисей — все они настоящие герои. Их поступки, их судьбы овеяны дыханием высокой романтики, и не каждому из них будет суждено дожить до наших дней. Но вместе с тем и они — еще только девочки и мальчишки, «семнадцатилетний народ», со свойственной этому возрасту прямолинейностью и непосредственностью, с пристрастием к красавице книжных подвигов, с тревожной боязнью оказаться «не у дел» в огромных событиях революции.

Уже в картине, открывающей спектакль Центрального детского

театра, найден приподнято-романтический тон, свойственный драматургии Светлова. Улица ночного города. Крылыцо бывшего особняка, превращенного в ревком. У дверей — фигура часового с винтовкой. Идет сцена Вали и председателя ревкома.

Действие разворачивается на широком фоне жизни осажденного города, жизни, наполненной напряженным ожиданием. Гудки паровозов разрывают морозный воздух. Группы вооруженных людей входят и выходят из дверей ревкома. Все происходящее подчинено тревожному, стремительному ритму.

На сочетании лиризма, мягкой иронии, открытого патетического звучания, созданного совместными усилиями режиссеров, художника и исполнителей, строится весь спектакль Центрального детского театра. Его действительная линия подчеркнута постановщиками четко и непрерывно. В этом отношении особенно показательна «сцена с мушкетерами». Избитый на допросе, комсомолец Сашка (Л. Дуров) лежит на полу тюремной камеры. Он думает только об одном — как снять с себя тяжесть подозрений, как оправдаться перед товарищами. Внезапно из темноты возникают образы любимых Сашкиных героев-мушкетеров. С ними делится Сашка своими невеселыми думами. Но вот гаснет и снова выплывает свет: на месте мушкетеров — знакомые нам комсомольцы. Проходит еще несколько секунд, и они снова уступают место мушкетерам.

Так написана эта сцена Светловым в одной из первых редакций. В сценическом варианте Центрального детского театра в нее включено еще несколько реплик, но реплик, наполняющих происходящее новым смыслом. В ту секунду, когда на стене появляется видение Сашкиных друзей, вместе с бредящим Сашкой зрители слышат их разговор: комсомольцы не верят Сашке, они на-

зывают его трусом, они с презрением отворачиваются от него.

Благодаря этому вся «сцена с мушкетерами» приобретает новый драматический характер, оказывается эмоционально и сюжетно включенной в общий ход развития действия.

Пьеса Светлова заканчивается патетическим эпилогом, в котором настоящее переключается с будущим, с временем, которое придет «двадцать лет спустя». Режиссеры Центрального детского театра нашли для финала спектакля яркую театральную форму, завершающую его высокой романтической нотой... Постепенно меркнет свет, исчезает в темноте уже знакомое зрителям крылыцо у входа в ревком. В глубине сцены возникают очертания Красной площади. Двое часовых у Кремлевской стены. Это «Штаб Мировой Революции». Так становится реальной, воплощается в зримый образ мечта боевого комсомольского поколения.

Это стремление к четкости и предельной выразительности характерно и для декоративного оформления спектакля. Очень удачно решена художником (Е. Фрадкина) его вторая картина — комната комсомольского общежития. В соответствии с авторским указанием декорация представляет собой «большую комнату

пустая, очень холодная комната. Под потолком люстра, оставшаяся от прежних хозяев, тускло поблескивает пыльным хрусталем. На стене от руки написанный кумачовый лозунг. И эти две скучные детали — великодушная, но такая ничемная здесь люстра и лозунг с криво выведенными на нем горячими словами — выразительно говорят о жизни, навсегда канувшей в прошлое, и новой, пришедшей ей на смену.

В монологе одного из героев романтической пьесы Светлова есть слова: «Мы жили одним дыханием». На «одном дыхании» поставлен и спектакль Центрального детского театра. И в этом его главное и очень существенное достоинство. Разумеется, режиссерская трактовка пьесы в Центральном детском театре не является единственно возможной. Для сценического воплощения героико-романтической темы нет и не может быть никаких «твердых правил». Но при постановке любого спектакля одним из решающих успех условий остается точное раскрытие жанра пьесы, «угаданность» режиссурой своеобразия авторской манеры, перенесение ее на язык театрального искусства. Эта неоспоримая истина еще раз доказана спектаклем Центрального детского театра.

Т. ИВАНОВА.

Современный репертуар
16.V.57.